

«С ЛЮБОВЬЮ ПРИВЕТСТВУЮ ВАС...»

Из переписки
А. А. Фадеева
и
А. М. Горького

СРЕДИ писателей моего поколения, — с гордостью говорил Александр Фадеев о Горьком, — нет ни одного, кто, входя в литературу, не был бы им благословлен». Фадеев и сам был одним из писателей горьковской плеяды. Горький рано заметил и оценил его талант. «Читали Вы «Разгром» Фадеева? Талантливо», «Фадеев — определенно серьезный и грамотный писатель», — несколько раз отмечает Горький в письмах 1927 года. «Этот год, — пишет он Ромену Роллану, — принес нам несколько очень крупных людей, которые подают большие надежды». Среди них снова назван Фадеев. А. М. Горький уви-

дел в его романе «Разгром» — книге, которая надолго останется в новой истории литературы, — «широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны».

Поэтому-то великий писатель так требовательно относился ко всему, что выходило из-под пера Фадеева. Как только появились первые книги романа «Последний из удагов», Горький не замедлил указать на его недостатки и по-отечески «пожурил» автора, когда тот задумал отложить работу над книгой, чтобы «влезть» в запущенные общелитературные дела (письмо от 8 сентября 1932 года).

В своих статьях, выступлениях и письмах А. Фадеев с неизменной любовью и глубоким уважением называет Горького «воспитателем советских писателей», «великим рабочим человеком», «солдатом революции». Он призывает современников учиться у Горького умению постигать жизнь, великоленному его мастерству, слову его.

Переписка с А. М. Горьким занимает в литературном наследии А. А. Фадеева особое место. Часть ее мы сегодня публикуем (с небольшими сокращениями). Большинство писем воспроизводится впервые.

Большой интерес представляют суждения Фадеева о последнем романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» — этом, по выражению Фадеева, энциклопедическом произведении великого писателя. Не менее интересны страницы, знакомящие нас со сложной атмосферой литературной жизни начала тридцатых годов.

Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАПП и создании единого Союза советских писателей положило начало новой эпохи в развитии советской литературы.

Глубоко осознав жизненность этого постановления, Фадеев выступает с циклом литературно-критических статей под общим названием «Старое и новое». Анализируя и критикуя теоретические и практические ошибки РАПП, Фадеев фактически первым из руководителей этой организации выступил с острой критикой вредной рапповской групповщины, смело ломая ее изнутри. Это выступление сыграло важную роль в деле сплочения лучших сил пролетарской литературы в те годы.

Однако переход к новому этапу проходил не без острой борьбы. Некоторые из вчерашних друзей Фадеева превратились, по существу, в его противников («обывателей и банкротов»), не останавливавшихся даже перед тем, чтобы поспорить с А. М. Горьким. Но Фадеев «выстоял». Он сохранил на всю жизнь любовь к великому писателю и всегда вспоминал о нем с особым уважением и признательностью.

«Мог бы он еще жить и жить... — скорбно писал Фадеев вскоре после смерти Горького в дружеском письме к Николаю Островскому. — Как это часто бывает, истинные размеры этого человека стали видны только после его смерти. И только теперь сознаешь полностью, что это ушел целый кусок мира...»

А. Фадеева отличала высокая внутренняя ответственность за общее дело литературы. «Может быть, сильнейшим качеством личности Фадеева была безраздельность служения литературе — то, что Горький любил называть «одержимостью», — сказал о нем К. А. Федин. В этой беспредельной, восторженной отдаче всего себя искусству Фадеев был достойным преемником традиций великого Горького.

А. М. ГОРЬКОМУ

14 марта 1932 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно все собирался написать Вам, но жил в такой суете и в передрыгах, — боялся — выйдет формально. Прежде всего, большое спасибо Вам, хотя и запоздало, за письмо — в Гагры!... Вы совершенно правы. Создание пролетариатом своего и нового в области искусства, сопряжено с не меньшими трудностями, чем в остальных областях. И не мало охотников предложить более «легкие» дорожки — или ползти на брюхе перед старым (вместо критического хозяйского усвоения его и преодоления для подъема на более высокую ступень) — или писать поверхностные стишки и очерочки «на злобу дня», выдавая их за самое лучшее, передовое и пролетарское. Но на «легких» дорожках этих ничего действительно нового и своего и действительно большого не создашь. Если под мусором групповых склок и литдрязг (да позволено будет произнести такое слово) процупать основу современных литературных разногласий, то довольно ясно видно, что идет борьба со всеми и всяческими любителями легких дорожек. Уклониться от этой борьбы, хотя бы и под предлогом весьма благородным — ухода на иной фронт, непосредственно — партийной работы или хозяйственной, когда есть внутреннее сознание, что наиболее полезен будешь именно в этой борьбе, — это, конечно, спасовать пред трудностями, сдать. Этого я, разумеется, не сделаю, и очень рад Вашей поддержке — особенно потому, что она идет от Вас...

Я живу сейчас на даче под Уфой² — много пишу (самому пока что нравится, что пишу, а это дает хорошее настроение), катаюсь верхом и на лыжах, пью кумыс. Кругом дремучие снега и целыми днями солнце. Пестует меня Мотя Погребинский³. — Вы его знаете, — человек, которого я очень люблю... он человек незаурядный, талантливый и очень добр — в самом конкретном и не пошлом смысле, то есть не бесконечно добр. Работа его с «ворами» и беспризорными — лучшее подтверждение этого. Были недавно в башкирском театре. В громадном помещении, по-

строенном Аксаковым, ходили очень веселые башкиры и башкирки, чувствовали свое несомненное право гулять и смеяться в этом здании. Пьеса — о вредительстве на одном башкирском медеплавильном заводе. Трактовка очень упрощенная и схематичная, но все доведено до такой наивности и примитивности, что приятно и весело смотреть. Автор⁴ — в прошлом батрак, а теперь пред(седатель) Башкирского ЦИКа — смотрел свое детище наивными глазами и был, видно, рад, что все это сам придумал, вызвал к жизни весь этот веселый маскарад и грохот. Главную роль — старого крестьянина, открявшего ценные месторождения руды, которые хотят скрыть вредители, а крестьянина сжить со света, — играл глухой старик-башкирин, в прошлом уральский рабочий, 25 лет участвовавший в любительских башкирских спектаклях, теперь заслуженный артист республики. Играл, надо сказать, очень талантливо, — публика, все больше молодежь, яростно хлопала; нет никаких сомнений, что молодежь эта той породы, которая будет сама великолепно добывать и плавить руду, читать прекрасные книги на башкирском языке и писать пьесы гораздо лучше этой.

В числе зрителей сидела молодая башкирка из деревни с грудным ребенком, — ребенок никак не мог уснуть от грохота на сцене, она его тут же кормила то левой, то правой грудью, — но так и не ушла до конца пьесы. В общем, все было очень здорово, почище всякой эпохи Возрождения.

Здесь я перечитал «Клима Самгина» — раньше читал по журналам с большими промежутками и, как выяснилось, пропусками. О впечатлении во всем объеме, конечно, не скажешь в письме; но это произведение исключительной мощи; и темперамента, и ума. Крючков⁵ говорил мне, будто Вы считаете первый том тяжеловатым, но это — напрасно. Говорю не только по личному впечатлению и даже не только по впечатлению моих товарищей, принадлежащих к квалифицированному и искусственному читателю, но и по отношению к этой книге передовых рабочих. Я много лет прикреплен к ячейке завода имени Калинина, (металлический завод б. Доброва и Набольтца) — там есть читательский актив, с которым я близко связан: все прекрасно всё понимают; те, кто менее привык к серьезному чтению, жалуются на медлительность в самом начале, но после Ходынки втяги-

ваются и уже не ропщут. Это подтверждение того, что книга интересна не только от ума, но и непосредственно — по силе изобразительности. Сам я перечел ее в несколько залпов и, пока читал, не мог делать перерывов, чтобы писать самому, — не писал два дня. Неужели Вы все это перевидали и переслышали? Даже страшно делается. Конечно, это не только об интеллигенции и даже не столько об ней, сколько о жизни страны — огромной, богатой, нищей и талантливой, полуазиатской страны — за сорок лет. Все — от крестьян, поднимающих колокол и громающих амбар, от жалкого царя, от Ли-Хунг-Чанга, до играющих в революцию, эстетствующих, чудаковствующих, богоискательствующих и прочая и прочая болтунов и просто обывателей, до бессмысленно талантливых буржуев и не буржуев, до поднимающихся рабочих масс и организующих их подъем большевиков — все, все в целом дает исключительно монументальную, цельную и правдивую картину. И трудно представить себе какую-либо иную форму, кроме той формы своеобразного жития, какую Вы избрали, чтобы вместить все это. После прочтения делается мрачновато, — много жестокости и много противных людей, но мрачноватость эта — не обезволивающая, а наоборот — поднимающая и озлобляющая; очень скоро начинаешь чувствовать себя так, словно все в мире стало ясней и сам ты стал более вооружен. Ясно, что так жить дальше было совершенно невозможно, ясно, почему именно в этой стране первой произошла революция, и хочется успешно двигать ее дальше — это основной, разумный и эмоциональный вывод. В общем, исключительно здорово, и хочется по прочтении сказать автору что-нибудь очень ласковое.

Крепко жму Вашу руку. Будьте здоровым и веселым. Привет всем Вашим.

Ал. ФАДЕЕВ.

¹ Письмо не обнаружено.
² В феврале 1932 года А. А. Фадеев выезжал в г. Уфу для участия в работе республиканского съезда башкирских писателей.

³ Погребинский М. С. — бывший чекист, организовал и в течение ряда лет возглавлял трудовую коммуны. Автор брошюры «Трудовая коммуна имени ОГПУ» (Госиздат, 1928 г.), вышедшей под редакцией и с предисловием А. М. Горького.

⁴ Афул Тагиров — башкирский писатель, прозаик и драматург.

⁵ Крючков П. П. — бывший секретарь А. М. Горького.

А. М. ГОРЬКОМУ

25 июня 1932 года

Дорогой Алексей Максимович! Очень прошу Вас выкроить время и побеседовать с тов[арищем] Тагировым — башкирским писателем, о пьесе которого я Вам писал как-то в письме в Сорренто. Он пишет уже около 20 лет... Ему очень хотелось бы повидаться и побеседовать с Вами... Из Москвы идут всяческие кислые известия о лит[ературных] делах, но, должно быть, это неизбежно на первых порах, а в конечном счете, все будет к лучшему. Сейчас, когда видишь, что не только у нас, но и в других областях искусства и в научных областях происходит такая же реорганизация более или менее замкнутых, коммунистических организаций в более широкие, с вовлечением широких советских кадров, — начинаешь понимать политический широкий смысл всего этого и ужасно делается обидно, что в своей литературной области мы не нашли в себе достаточно ума и понимания, чтобы самим начать этот поворот и возглавить его: все проходило бы с меньшими накладными расходами.

Очень огорчило меня то, что Вы не имели возможности ни в Сорренто, ни тем более здесь работать дальше над «Кл[имом] Самг[ином]». Сколь ни важно все то, что Вам приходится делать сейчас, все же, думается, первое важнее, потому что этого никто и никак не сможет выполнять кроме Вас; на романе этом могут и будут расти и воспитываться целые поколения. Что, если бы Вы немного тряхнули плечами и сбросили бы с себя всяческую заседательскую суетню? Просто грустно, что дело обстоит так, как оно обстоит.

Желаю Вам крепкого здоровья и дозволяю себе изъясниться в любви к Вам и к большинству того, что Вы создали, и обнимаю Вас.

Привет всем Вашим...

Ал. ФАДЕЕВ

А. М. ГОРЬКОМУ

25 августа 1932 года

Дорогой Алексей Максимович! Возмутительно обстоят литературные дела. Возмутительно не то, что Оргкомитет¹ ничего не делает, программы работы не дает, погряз в дрязгах и сплетнях и все еще живет на «проработке» (отвратительное слово в применении к идейной борьбе) бывш[ей] РАПП, — это вещь вполне ожидаемая и «естественная», — возмутительно по-

ведение многих бывших раповцев, моих единомышленников. Из этого круга надо исключить большинство литераторов, занятых в области самого художественного слова, ибо поэты, драматурги и прозаики (Шолохов, Либединский, Афиногенов, Луговской, Колосов, Чумандрин, Караваева и т. д. и т. п.) занимаются именно тем, чем они заниматься должны (особенно после того, как многих из них зачислили только в администраторы и в политики, а из ряда литераторов вычеркнули). С разной степенью дарования и умения, но уже этой осенью и зимою поэты, прозаики и драматурги б[ывшей] РАПП дадут изрядную продукцию и тем оправдают свое существование на земле. Но весь критический и организаторский фланг... ведет себя возмущительно — критики ведут себя как обыватели и литературные банкроты. Эти люди, а их в руководстве РАПП было не мало, их наберется всех десятка два... далеко не безразличны для меня, со многими из них я соединил годами совместной борьбы и дружбы, — некоторых из них Вы тоже знаете и по моим впечатлениям относитесь к ним хорошо и это дает мне возможность писать Вам о них вполне правдиво, ничего не умалчивая, — но пришло время, когда все они повернулись с несколько «неожиданной» стороны и глупо возмущают меня. Судите сами. Люди эти занимали руководящие посты в литературных организациях и в журналах, поучали писателей пролетарских и попутнических, произносили речи, «воспитывали» ударников, «соломничали» направо и налево, называли себя ячейкой ЦК в литературе и что же? Как только их сняли с их «постов», ни один из них, буквально ни один не написал ни одной критической строчки, ни об одном писателе... Не сделано ни единого шага в сторону товарищеской работы с писателями по внутренней, творческой и идейной организации их. Единственный Ермилов работает — и хорошо работает в этом направлении. Нет ни единой попытки пересмотреть старый опыт и подвергнуть критике то, что устарело или было ошибочно. Происходит отвратительное хождение по литературным задворкам, собиравание слухов, варение в собственном соку, ожидание банкротства оргкомитета и — никакого дела. И естественно, в широких кругах писателей, оставшихся в буквальном смысле слова без призора, создается впечатление о этих

людях, как людях прежде всего не храбрых, в идеи свои слабо верящих и советскую революционную и пролетарскую литературу по существу не любящих... Я писал всем этим товарищам (адресовал Макарьеву²) письмо об этом, месяца два назад, — откликов никаких... Вся «могучая когорта» критиков молчит, как будто воды в рот набрала! Приходится мне в ближайшее время бросить свой роман³, который находится на половине, и ехать в Москву — писать статьи и организовать людей, хотя по существу (если бы люди, которыми прежде всего надлежит заниматься литературной теорией и критикой, не оказались растерянными обывателями и банкротами) следовало бы прежде всего закончить роман. Такова горькая действительность... За четыре месяца, истекших со времени решения ЦК, не сделано и не написано никем из них ничего, что могло бы внести хоть какую-нибудь линию, ясность, оздоровление, творческую атмосферу в литературную среду. Позорно, но факт... В ближайшие дни засяду за статью, в которой попытаюсь ... подвергнуть критике то, что устарело и оказалось ошибочным, и наметить хоть какую-нибудь программу деятельности. Откладывать роман, который не имел возможности из-за перегрузки писать в прошлом, не хочется буквально до слез, но не вижу никакого другого выхода. С этой статьей приеду в Москву и попытаюсь сделать кое-что практически — по объединению писателей и оздоровлению обстановки. Терпеть дальше существующий маршм было бы просто непартийно, да и мочи нет...

У меня есть одно предложение к Вам: не поддержите ли Вы идею издания еще одной серии для молодежи, серии книг (название для нее я еще не придумал) об условиях жизни, роста и формирования рабочего и крестьянского подростка при капиталистическом строе. Вы знаете, что таких книг у нас мало, а те, что есть, затерялись в общей массе плохих и хороших книг. Между тем, важность и значение такой серии для нашей молодежи доказывать не нужно. Я думаю, если не подходить с требованиями высокой художественной формы, а только с требованием жизненной правды и живости изложения, можно было бы издать хорошую серию — книг 15, которая показала бы: 1) Как эксплуататорский строй, сделавший своим знаменем индивидуализм и дробящий о «свободе личности», на де-

ле губил и калечил миллионы личностей эксплуатируемых классов. 2) Как вырастали революционеры из рабочих и крестьян в условиях старого общества (процесс освобождения от пут религии, от мелкобуржуазной ограниченности, появления революционного сознания и т. д.). 3) Как, несмотря на условия чудовищного гнета (и в борьбе с ним), пробивались на свет таланты из рабочих и крестьян. Я приведу Вам (без соблюдения порядка издания, который, я думаю, должен быть хронологическим) примерный список книг, подлежащих, на мой взгляд, включению в серию. Прошу Вашего совета, если идея кажется Вам приемлемой, — что нужно вычеркнуть, а что дополнить. Те книги, которые, возможно, не попадались Вам на глаза, я сопровождаю краткими комментариями.

1. Шаповалов — «По дороге к марксизму».

2. Вольнов Ив. — «Повесть о днях моей жизни».

3—4. Горький — «Детство» и «В людях».

5. Канатчиков — «Из истории моего бытия». Это почти единственная книга, где говорится о превращении юноши крестьянина в рабочего, а потом в революционера.

6. Тачалов — «Мрачная повесть».

7. Горячев — «Черные дни».

Эта книга, потрясающая по содержанию, была очень скверно издана ГИЗ'ом году в 1925-м и прошла совершенно бесследно. Жесткие условия жизни в деревне толкают парня в город, но у него нет паспорта и его возвращают по этапу, подвергают порке и т. п. Он все-таки вырывается, но попадает в новую кабалу и зависимость и в итоге — искалечен душевно и физически.

8. Свирский — «История моей жизни».

Здесь можно взять только первую книгу о детстве и отрочестве. Подросток в условиях двойного гнета — классового и национального.

9. Черненко — «Расстрелянные годы».

Мальчик — сын грузчика на Волге. Эпоха 1905 года. Пробуждение революционного сознания.

10. Демидов — «Жизнь Ивана».

11. Дж. Лондон — «Мартин Иден».

12. Петцольд — «Суровая жизнь».

13. А. Попп — «История одной работницы».

Если включить в серию и то, как

формировались революционеры из среды интеллигентов — пролетариев и разночинцев, можно добавить ряд книг — воспоминаний старых большевиков и роман Л. Никулина «Время, страсти, движение», который он печатает сейчас в «Красной нови». Может быть, можно пополнить всю серию за счет еще некоторых классических произведений русской и иностранной литературы, которые более подходят сюда, а не к «Истории молодого человека XIX столетия», но мне как-то не приходят на ум такие. Напишите, что Вы думаете на сей счет. Желаю Вам всего доброго. Останетесь ли в Москве до 15-й годовщины? Привет всем Вашим.

Ал. ФАДЕЕВ

¹ Речь идет об оргкомитете Союза советских писателей СССР, созданном в августе 1932 года.

² Макарьев И. С. — критик, один из руководящих работников быв. РАПП.

³ «Последний из удег».

А. А. ФАДЕЕВУ

8 сентября 1932 года

Дорогой дядя Саша, проклинаю злую муху, которая укусила Вас!

Из группы человек, коих Вы обвиняете в тяжком грехе «неделания», мне известен лично только один Макарьев — парень, — как мне кажется — прямодушный и хорошего ума. И, насколько я его знаю, то в социальном малодушии подозревать не могу. Знаю, также, что он недавно ездил в пределы Тверской губернии, навестить свою родительницу, а попутно, хорошо исполнил одно мое маленькое поручение общественной ценности...

Оргкомитет ничего не делает и это весьма понятно, ибо осторожно. Гронский¹ — в отпуску, вероятно и все остальные тоже сказали себе «Ныне отпускаешь владыку» или что-нибудь в этом духе. Гнев Ваш на этих людей не совсем понятен мне.

Если Вы бросите писать роман и полевте в драку — это будет дико и непростительно. Всею свое время, хватит времени и для драки, а сейчас Ваша задача — кончить работу по роману. Это Вы и делайте, временно позабыв обо всем остальном...

Ваше предложение издать серию книг, которые осветили бы молодежи нашей условия воспитания революционера в прошлом — имеет совершенно ясную социальную ценность. Книги

выбраны Вами удачно, однако — не все. Можно подобрать больше и лучше. Об этом поговорим при свидании, это — хорошее, нужное дело.

Больше писать не буду, ибо — устал, ибо еще нездоров, ибо только что беседовал непрерывно 3 часа. В Берлине я действительно захворал, опасались воспаления легких. Но, вот, все еще жив. И нимало не протестую против этого. Жить я готов вплоть до полного торжества социализма и даже после этого еще 16 недель.

Ну — ладно. Не дурите и кончайте роман. Это Ваш долг.

Жму руку.

А. ПЕШКОВ

¹ Гронский И. М. — быв. председатель оргкомитета Союза советских писателей СССР.

А. М. ГОРЬКОМУ

18 сентября 1932 года

Дорогой Алексей Максимович!

Это письмо Вы вероятно получите ко дню сорокалетия Вашей литературной деятельности¹. В этот день помимо ряда полезных и необходимых вещей люди будут напоминать Вам с приятными лицами, что вот Вы пишете уже 40 лет, то есть что лет Вам уже не мало, и это последнее обстоятельство, как я понимаю, не будет доставлять Вам большого удовольствия. Тем не менее решаюсь влить в эту бочку меда с дегтем и свою долю этой смеси, ибо — что ж поделаешь — факт остается фактом, а трудились Вы в своей жизни на славу, а трудиться Вам еще придется много, а работоспособность у Вас чудовищная, а я Вас очень люблю и не могу не выпить за Ваше здоровье добрую чару кумыса. Кроме того, я думаю, что помимо того огромного революционного и художественно-воспитательного значения, которое имеет эта годовщина для рабочих и колхозников, есть нечто безусловно замечательное в том, что страна социализма именно так отмечает своего художника. Ибо вопреки тому, что и до сих пор многие «попуты» в тайне души думают, что буржуазия, может быть, лучше и выше ценила искусство, чем рабочий класс, — вопреки этому, буржуазия эта самая, со времен Эпохи Возрождения, когда она (буржуазия) была в добром соку, в сущности все последующее время держала большое искусство на задворках, развивая ежегодно скучную шумиху вокруг пре-

мий мало интересным писателям и людям. Да и шумиха-то эта была — для горстки. Ваш юбилей — это репетиция к тому, как будут миллионы любить и уже любят искусство и своих художников при социализме. И я очень рад и за социализм и за искусство и за художников и с любовью приветствую Вас.

Письмо я Ваше получил и очень благодарен. «Злая муха», укусившая меня, это — беспокоящее ощущение и понимание того, что в нашей так называемой литературной общественности есть некоторое недомогание, объясняемое отсутствием руководства. В этом, мне кажется, большая доля вины лежит на людях, которых партия — не по месту, на которое они были поставлены и с которого сейчас удалены, а по существу — для этой цели воспитывала. И то, что, уйдя с этого места, они как-то перестали болеть за литературное дело и стараться направлять его, меня искренно огорчает... А так как я никогда не в состоянии был освободиться от чувства своей внутренней ответственности за дело, в котором приходится работать, то я невольно подумываю о других людях, которых наша жизнь выдвигает в литературу довольно щедро и которые могли бы работать лучше чем отпадающие. Воспоминание же о том, что отпадающие очень много и с хорошими лицами, в свое время, обещали и декларировали, а потом об этом забывают, действует на меня, как красная тряпка на быка. Вследствие этого я наметил уже четыре длинных и скучных, но, как кажется, «правильных» статьи, из коих две уже написал, статьи, за которые на меня, очевидно, начнут вешать всех собак, но которые возможно кой кого и объединят и организуют. Роман же я, действительно, не брошу, хотя в начале октября и собираюсь в Москву, где хочу пробыть до 15-й годовщины. О серии книг, про которые я Вам писал, поговорим при свидании, — дело это меня давно занимает...

Всего Вам самого доброго

Ал. ФАДЕЕВ

¹ 40-летие литературной деятельности А. М. Горького отмечалось 25 сентября 1932 года.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 71 15 июня 1961 г. 3